УВАЖЕНИЕ И ЛЮБОВЬ НАРОДА — ВЫСШАЯ НАГРАДА

Заметки художника

Вспоминается мне юность. В конце 20-х годов из Ростова-на-Дону вместе со своими товарищами приехал я в Москву со страстным желанием приобрести к искусству. Первая ночь наша прошла не в гостинице, даже не в общежитии для студентов. Она прошла на Казанском вокзале.

Когда солнце начало вставать, мы были уже на Красной площади. То незабываемое впечатление, которое произвела она на нас, осталось на всю жизнь и до сих пор звучит в моей душе, как гениальное вступление к «Хованщине». Помню, с каким трепетом приближались мы к Третьяковской галерее и, вступив в это святилище, сняли наши лосевые гапочки. Помню, как в нерешительности три дня стояли мы у подъезда, где жил замечательный русский художник М. В. Нестеров, не решаясь позвонить. Как пилигримы, пришли в Москву поклониться святыням искусства, в поисках учителя, так как художественные школы в тот период были разрушены «левыми» формалистами, вплоть до физического уничтожения произведений искусства, как это было в Ленинградской академии художеств при директоре Маслове, когда были организованы специальные субботники для уничтожения галереи античных слепков и изрезано на куски для «экспериментов» студенчества панно художника Рериха «Покорение Казани». Тогда раздался голос ЦК партии, положивший конец этому вандализму.

Когда, наконец, после долгих мытарств передо мной открылись двери Академии художеств, она была уже реформирована и начинались работы по реставрации многих разбитых вдребезги антиков.

В тот период мы, юноши, любившие искусство, желавшие посвятить ему свою жизнь, с жадностью впитывали все, что могло обогатить знаниями, что могло помочь в овладении профессиональным мастерством. Может быть, этот голод по сильному, строгому рисунку, по здоровой, полнокровной живописи отчасти был реакцией на «формотворчество», которое незадолго перед этим захлестывало художественную школу. Конечно, немало было в то время художников-реалистов. Стоит вспомнить только таких мастеров, как В. Савинский, А. Рылов, кстати, изгнанных Масловым из Академии художеств вместе с рядом других профессоров-реалистов.

Вспоминаю свою молодость, вступление на трудный и тернистый путь художника, мне хочется обратиться к молодым художникам. Хочется сказать им: обогащайтесь знаниями, овладейте мастерством. Не ищите сенсаций, не ждите наград, лавровых венков от врагов нашей Родины, а старайтесь заслужить уважение и любовь своего народа. Это высшая награда художнику, с нею не страшны ему ни враги, ни препятствия, которые встречает он на жизненном пути. Подлинное искусство не может быть без большой любви, без вдохновенного труда.

Конечно, соблазнительно для некоторых: чуть брызнул краской — и уже кричат «гениально!» и в «Лайфе» напечатать статью, и чуть ли не «мировая» слава. Но знайте, что подлинное, настоящее рождается только в труде, в труде и в творческих муках.

Путь дешевого успеха не наш путь, лучше неизвестность, чем нездоровая сенсация, которая нужна лишь пустоцветам. Почему говорю я эти слова молодежи? Да потому что молодежь — наша надежда, наше будущее, потому что это наиболее чуткая, наиболее восприимчивая часть человечества.

К большому сожалению, находятся люди, грязными руками бросающие в эти чистые души семена сорных трав, а молодому, неопытному человеку не всегда легко различить злак добрый от сорняка.

Результаты этой растлевающей деятельности в последнее время стали как-то особенно заметными, даже угрожающими.

Я хочу, чтоб молодежь учла опыт своих отцов. Этот опыт — почва, на которой произрастает цветок искусства. Теряя эту почву, мы уподобляемся зерну, упавшему на камень.

Жизнь народа, чудесная природа — вот источник вдохновения художника, бесконечный и разнообразный. Кто с чистой душой и открытым сердцем подходит к жизни, того она награждает.

Пусть наша молодежь устремляется на поиски прекрасного, а не уродливого, к совершенству, к подлинной красоте и правде.

Особенно сейчас мне хочется поделиться этими мыслями, когда мы вновь услышали голос Центрального Комитета нашей партии, обратившей наше внимание на опасность «диверсии буржуазной идеологии в литературе и искусстве». Этот голос, твердый, уверенный, дружеский, вызвал хорошее, радостное волнение.

В недоумении останавливались люди перед картинами некоторых довольно еще молодых художников, геростратов нашего

времени и их духовных отцов. Разные это художники, непохожие друг на друга, даже если они родные братья, как Николы, или чужие друг другу, как Бриговский и Андронов, Бригер и Васнецов, Егоршин и другие, как и их духовные отцы Фальк и Древин, Штеренберг и Тышлер, Кузнецов и Удальцова. Но они имеют и общие черты. Всем им свойственно искажение человеческого образа, как его чисто физической красоты, так и духовной. Второе, что характеризует этих художников, — это профессиональная грубость, схематичность как в рисунке, так и в цвете.

Не от хорошей жизни, не от высокого мастерства пускаются художники на «поиски» уродливых форм, уходят от правды живописной и правды жизненной. Они надевают маску, прячут свое истинное лицо за этой нарочитой уродливостью. А если снять эту маску, увидишь лицо обыкновенного человека, может быть, симпатичного и интересного, а может быть, и просто серенького.

Чем же объяснить, что за последние годы болезнь формализма стала разъедать сердца и умы довольно значительного числа молодых художников? Да и только ли молодых? Стоит посмотреть на работы С. Дудника, Г. Сателя. Ведь это уже немолодые художники, давно зарекомендовавшие себя как вполне здоровые реалисты. Я думаю, многим запомнились мастерски выполненные, интересные по цвету портреты Дудника прошлых лет. Но, к сожалению, число таких неустойчивых за последние годы начало расти.

Конечно, одним оригинальничанием от скудости таланта такого явления не объяснить. Дело в том, что живем мы в беспоконное время напряженной борьбы старого мира с новым. Порой явно, чаще тайно борьба эта ведется с большим ожесточением, в особенности в области идеологии. Стоит нам немного ослабить зоркость, проявить беспечность, оставить без внимания какой-то участок, как идейные противники уже тут как тут. Плохо и мало работали мы с нашей молодежью, плохо ее воспитывали, недостаточно прививали любовь к подлинно прекрасному, высокому искусству. Противники наши используют это и уводят наиболее легковверных, поддающихся воздействию людей из-под священных знамен реализма, отвращают их от наших идеалов, от решения великих созидательных задач, стоящих перед нашим народом.

Соблазнительно для неустойчивых людей и то, что путь, по которому уводят наши идейные противники тех, кого им удается развратить, «протоптанной и легкой». При небольшом умении, при сомнительном даже даровании, а то и вовсе без оного можно прослыть «новатором», «дерзачем». Конечно, на этот путь становятся порой и люди, по-настоящему талантливые и искренне ищущие новых путей. Наш долг — помочь этим талантливым людям вернуться на верную дорогу, пойти в ногу с нашим великим народом.

Выставка «XXX лет МОССХ» организована ее организаторами с подчеркнутой ориентацией на левые формалистические течения в искусстве двадцатых годов. Я человек не книжный, но не могу отказать себе в удовольствии напомнить высказывания А. В. Луначарского, характеризующие положение в изобразительном искусстве начала 20-х годов.

Вот что говорил А. В. Луначарский, которого В. И. Ленин справедливо упрекал в потворстве «левому» искусству: «Молодежь, устремившаяся к открытиям «новых берегов», очень часто забрасывала то, что называется мастерством. В этом смысле несомненно правы художники старших поколений, когда говорят, что эти бурные искания новизны прежде всего сказываются на искусстве отрицательно».

В живописи доминирует эскизность. Почти никто не работает по-настоящему, почти никто не осмеливает ремесленной стороны искусства, не приобретает традиционных навыков. В результате искусство может свалиться в самую настоящую некультурность. Во все времена, когда искусство заведомо падало, теряло традиции и превращалось в варварство, художники не говорили, что мы де рисуем и пишем теперь хуже, чем предыдущие поколения; они всегда полагали, что вносят в жизнь новые вкусы».

До чего же это верно сказано, до чего современно! Стоит об этом задуматься и открывателям «новых берегов» в наши дни, и их вдохновителям — искусствоведам типа А. Каменского, О. Бескина, В. Костина, Д. Сарабьянова, Н. Дмитриевой и некоторых других. Немало сделали для того, чтобы подтолкнуть наше искусство к той грани, с которой ему было бы очень легко свалиться в самую настоящую некультурность, и такие деятели нашей культуры, как И. Эренбург, Ю. Нагибин и ряд других.

Если бы, скажем, мы прислушались к голосу И. Эренбурга, то давно бы нам следовало стать под знаменем формализма, отказаться от любви к нашему русскому реалистическому искусству и возлюбить различных «истов», главным образом французского происхождения.

Не могу и не хочу!
Да как же я откажусь от Репина, от моего отца родного, научившего меня любить свой народ и служить ему всеми помыслами души, отдать ему все, что есть во мне хорошего! Нет, никогда не пойду я на такое предательство!

Мы возьмем все прекрасное, что было создано человечеством на всем протяжении его истории, от древних греков до нашего времени, и откинем все уродливое, все упадочное, под каким бы соусом нам его ни преподносили. Труден путь художника, полон тревог и сомнений: а так ли ты делаешь, как нужно? Но если художник знает, что его произведения хотя бы в малой степени доставляют радость людям, народу, — это уже большое счастье.

Особенно труден твой путь, если у тебя есть свое лицо, если ты не поддаешься моде, отстаиваешь свои принципиальные позиции. Я испытал это на собственном опыте. Но я всегда чувствовал и чувствую поддержку народа. Когда устанавливаются тесные связи с народом, идущие от сердца к сердцу, тогда художник ощущает и уверенность в себе, и веру в значение того, что он делает. За это должен бороться художник, а не за то, похвалит или поругает его тот или иной модный критик, бороться за завоевание умов и сердец тех, для кого он работает. Никто из нас, понятно, не думает, что самое высокое искусство и есть самое доступное. Вместе с тем мы знаем: за высоким искусством идет народ, ему отдает он свою любовь и восторг. Никто не смог и не сможет убедить народ в том, что кривлянье модернистов и есть подлинное искусство.

Подлинное искусство вечно живет и светит нам из далеких веков, а псевдоискусство умирает, едва успев родиться, на наших же глазах. Я лично склонен скорее подразделять искусство не на «новое» и «старое», а на «живое» и «мертвое». И, конечно, никакие критики не оживят мертвое искусство, как бы ни усердствовали в этом.

Мы не хотим этого, мы шли и будем идти вместе с нашим народом, и высшей наградой для нас будет его уважение и любовь. Посещение руководителями партии и правительства выставки московских художников и беседы с представителями творческой интеллигенции показали, как высоко партия и народ ценят реалистическое искусство и как решительно отвергают они антихудожественные, абстракционистские и формалистические выверты.

Выставка в Манеже подтверждает это. Она не только в искаженном виде показала творческую деятельность московских художников, она показала также то, что устарели организационные формы объединения художников. «Союз» — это священное слово, связывающее людей братскими узами. В практике же МОССХ этот высокий принцип нередко забывается, здесь за последнее время слишком сильно дает о себе знать деятельность формалистической группировки. Это доказывает юбилейная выставка, на которой вовсе не выставлены или очень плохо представлены такие замечательные мастера, как М. Нестеров, С. Малютин, В. Мешков, В. Сварог, В. Яковлев, Б. Бялиницкий-Бируля и другие.

Отсутствие объективных оценок, субъективизм царят не только в выставочных комитетах, но и в художественных советах и даже в экспертных комиссиях. Для того, чтобы что-то изменить в существующем положении, необходимо пересмотреть составы всех этих органов. Надо ввести в состав этих органов представителей нашей общественности.

П. М. Третьяков не был художником, однако оставил нам в наследство галерею, где собрано лучшее, что создали русские художники XIX века, чего, пожалуй, не скажешь о советском отделе, хотя он формировался многочисленными комиссиями, состоящими из художников и искусствоведов.

Сейчас иное время. Не одиночки Третьяковы, а лучшие представители народа, несомненно, могли бы своим участием в делах искусства принести немалую пользу.

В заключение хочется сказать такую мысль: необходимо работникам культуры разных родов объединиться в один отряд. Всем сторонникам подлинно реалистического искусства — писателям и артистам; режиссерам и архитекторам, композиторам и кинематографистам. Тогда это будет несокрушимая сила, которой не страшны ни доморощенные формалисты всех мастей, ни их покровители как за рубежом, так и внутри страны.

А. ЛАКТИОНОВ.
Действительный член Академии художеств СССР.

Израиль, 1965, 4 sub.